

Научная статья

УДК 34:341.9:004:130.1

EDN: <https://elibrary.ru/hgbqgl>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.32>

Международное и российское правовое регулирование оборота криptoактивов: понятийно-терминологическая корреляция

Ярослав Кириллович Ярутин

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Елена Евгеньевна Гуляева

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Ключевые слова

Виртуальный актив,
законодательство,
криptoактив,
криптовалюта,
международное право,
право,
стейблкоин,
токен,
цифровая валюта,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: оценка российского законодательства на предмет его соответствия международно-правовым подходам к формированию симметричного регулирования оборота криptoактивов и возможности дополнения новыми международно-правовыми категориями, отражающими глубинные изменения в мировой экономике и структуре международных финансов, обусловленные широким внедрением новых финансовых технологий, в основе которых находятся технологии распределенного реестра.

Методы: методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых важное значение имеют специально-юридические (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы, дополненные риск-ориентированным подходом, правовым моделированием и юридическим прогнозированием, в совокупности позволившие осмыслить архитектуру, «букву» и «дух» современного международного финансового права и национального законодательства в их понятийно-терминологической корреляции, спрогнозировать дальнейшее развитие и корректировку правового регулирования оборота криptoактивов.

 Контактное лицо

© Ярутин Я. К., Гуляева Е. Е., 2023

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Результаты: выявлено, что в регулировании оборота криptoактивов устойчивой становится тенденция доминирования среди источников актов «мягкого» права (особенно это заметно в сфере международного финансового права в сравнении, например, с конвенциями или международными договорами); наряду с этим усиливается тенденция «фрагментации» международного права в части оборота криptoактивов; отмечено несоответствие понятийного аппарата, содержащегося в международных актах и российском законодательстве, и пробелы в режиме оборота криptoактивов на уровне национального права; обозначены тенденции и прогнозы развития международно-правового регулирования сферы криptoактивов.

Научная новизна: состоит прежде всего в комплексном сопоставлении на основе в том числе принципиально новых концепций регулирования таких прогрессивных международно-правовых категорий, как криptoактив, виртуальный актив, криптовалюта, стейблкоин и другие, отдельные из которых редко используются в российском правовом дискурсе и практически не употребляются в законодательстве.

Практическая значимость: сформулированы научно обоснованные предложения, направленные на совершенствование понятийно-терминологического аппарата российского законодательства в сфере оборота криptoактивов, реализация которых позволит в перспективе выстроить единое правовое пространство с наиболее технологически развитыми государствами, будет содействовать улучшению инвестиционного климата и финансовой привлекательности государства; усовершенствует национально-правовой режим оборота криptoактивов не только с точки зрения реальных потребностей рынка, но и интересов государственной безопасности и повышения конкурентоспособности Российской Федерации.

Для цитирования

Ярутин, Я. К., Гуляева, Е. Е. (2023). Международное и российское правовое регулирование оборота криptoактивов: понятийно-терминологическая корреляция. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 725–751. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.32>

Содержание

Введение

1. Международно-правовое регулирование криptoактивов
  - 1.1. Особенности международного финансового права
  - 1.2. Понятие криptoактивов в международном праве
2. Отражение норм международного права в правовой системе Российской Федерации
  - 2.1. Вопросы понятийно-терминологической корреляции в международных актах и законодательстве Российской Федерации
  - 2.2. Правовое регулирование оборота криptoактивов в Российской Федерации
3. Предложения по совершенствованию российского законодательства

Заключение

Список литературы

Введение

По мнению Всемирного экономического форума, с высокой долей вероятности к 2025 г. около 10 % глобального валового внутреннего продукта будет тесно ассоциировано с технологией blockchain¹. При этом, согласно оценке Совета по финансовой стабильности, глобальная капитализация рынка криptoактивов на начало 2022 г. составляла 2,6 трлн американских долларов². Глубинные изменения в структуре международных финансов, обусловленные широким внедрением технологий распределенного реестра, требуют от международного сообщества выстраивания симметричного международно-правового регулирования, которое было бы понятно участникам рынка и национальным регуляторам. Кроме того, удовлетворяя интересы государств, такое регулирование не должно чрезмерно препятствовать развитию финансовых технологий и новых областей мировой экономики.

С другой стороны, если исходить исключительно из текущего состояния архитектуры норм международного финансового права, необходимо констатировать особую важность национального права. Именно в нем закреплены практические требования, имеющие приоритетное значение для участников рынка.

Наряду с этим криptoактивы, очевидно, распространяются вне пределов государственных границ. По этой причине, несмотря на текущую международную обстановку, международное сообщество и развитые государства заинтересованы в сотрудничестве (как минимум в рассматриваемой области), направленном на регулирование данной среды. В этом смысле представляется, что Российская Федерация в высшей степени заинтересована в глубоком осмыслении не только буквы, но и духа международно-правового регулирования. Изложенными выше факторами и продиктована необходимость в осмыслении российского законодательства и его оценки на предмет соответствия международно-правовым подходам. С учетом «фрагментации» международного права особенно важно синхронизировать финансовое регулирование не только с интересами государственной безопасности, но и с требованиями времени и реальными потребностями рынка. Представляется, что построение правового регулирования на национальном уровне потребует практико-ориентированных предложений в части дополнения российского права прогрессивными международно-правовыми категориями (криptoактив, виртуальный актив, криптовалюта, стейблкоин).

1. Международно-правовое регулирование криptoактивов

1.1. Особенности международного финансового права

Глобализация экономики и формирование единой мировой экономической системы, как представляется, изменяет и облик тех областей международного права, которые призваны регулировать экономические отношения. Это усиливает тенденции по «фрагментации» и «денационализации» соответствующих областей международного права (Мажорина, 2018).

¹ Шваб, К. (2016). Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо.

² FSB. (2022). Assessment of Risks to Financial Stability from Crypto-assets. FSB, Basel. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P160222.pdf>

Помимо этого, на сегодняшний момент доминирующими источниками в рамках международного финансового права являются акты «мягкого» права ([Кудряшов, 2013а; 2013б; 2013с; 2014; Ní Aoláin, 2021; Borlini, 2020; Brummer, 2010](#)). Вероятно, обусловлено это тем, что процедура принятия актов «мягкого» права допускает их согласование в сжатые сроки (в сравнении, например, с конвенциями или международными договорами). В каком-то смысле бурное развитие финансовых технологий не оставило человечеству иного выбора: либо регулирование будет приниматься быстро (вслед за появлением той или иной озабоченности международного сообщества), либо новые отрасли экономики будут функционировать всецело вне международно-правового поля, что в конечном счете может оказывать прямое влияние на эффективность всей архитектуры международного права.

У такого подхода существуют, однако, и минусы. Как указывалось выше, международно-правовое регулирование, сформированное посредством актов «мягкого» права, как правило, носит узкоспециальный характер. Таким образом, основной проблемой является тот факт, что формируемое правовое регулирование не носит всестороннего характера; оно ограничивается лишь отдельными областями практики. Более того, актами «мягкого» права международное сообщество указывает государствам на некоторые общие направления для правотворческой работы; эти направления носят рекомендательный характер. Реальное же содержание таких международно-правовых норм, которыми, как предполагается, и будут руководствоваться участники рынка, определяется государствами.

Необходимо учитывать и тот факт, что международно-правовое регулирование может радикально измениться, так как авторитетные ученые предлагают принципиально новые концепции регулирования, в том числе концепцию «децентрализованного регулирования» ([Nabilou, 2019](#)).

1.2. Понятие криptoактивов в международном праве

Хотя понятие «криptoактивы» крайне редко используется в российском правовом дискурсе, в том числе научном, и фактически отсутствует в законе, его употребление видится наиболее корректным с точки зрения проведения международно-правового исследования. Такая оценка обусловлена тем, что данное понятие употребляется не только участниками международного рынка, но и руководителями государств «Группы двадцати» (например, вопросам криptoактивов посвящен ряд пунктов Балийской декларации «Группы двадцати» от 16 ноября 2022 г.³).

Согласно определению, сформулированному Советом по финансовой стабильности, криptoактивы являются отображением ценности в цифровом виде (digital representation of value), которое основано на криптографии и технологии распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT), аналогичных технологиях и которое может использоваться как в платежных, так и в инвестиционных целях⁴.

³ G20 Bali Leaders' Declaration. (2022, 16 November). G20, Bali. https://www.g20.org/content/dam/gtwenty/gtwenty_new/document/G20%20Bali%20Leaders'%20Declaration.pdf

⁴ FSB. (2020). Final Report and High-Level Recommendations on Regulation, Supervision and Oversight of "Global Stablecoin" Arrangements. FSB, Basel. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P131020-3.pdf>

(Droll & Minto, 2022). Совет по финансовой стабильности подчеркивает, что данным понятием не охватывается цифровое отображение фиатных валют⁵. Очевидно, что это замечание сделано с целью разграничить криптоактивы и цифровые валюты центральных банков (central bank digital currency, CBDC), которые в настоящий момент активно разрабатываются рядом государств (Tsang & Chen, 2022; Keister & Sanches, 2023; Zellweger-Gutknecht et al., 2021). Кроме того, Совет по финансовой стабильности между строк указывает: хотя цифровые валюты центральных банков криптоактивами не являются (Помулев, 2021), в рассматриваемое понятие (т. е. «криптоактивы») включаются криптовалюты, которые также являются цифровыми валютами⁶ (Geva, 2019).

Руководствуясь пруденциальными целями, Банк международных расчетов (Bank for International Settlements, BIS) принял решение разделить криптоактивы на группы с различными уровнями риска, выделив таким образом токенизированные формы традиционных активов, криптоактивы со стабилизационным механизмом, т. е. стейблкоины (stablecoin), и прочие криптоактивы, к которым отнесли, в частности, наиболее известную криптовалюту Bitcoin⁷. Так, был разработан международно-правовой подход, в соответствии с которым регуляторам и международным финансовым институтам, осуществляющим сделки с криптоактивами, рекомендуется применять следующие уровни риска:

- для токенизированных форм традиционных активов – как минимум уровень риска, характерный для традиционного (базового) актива;
- для стейблкоинов – уровень риска, сформированный исходя из оценки качества стабилизационного механизма;
- для иных криптоактивов, не обладающих стабилизационным механизмом, – фиксированный коэффициент риска в размере 1250 %⁸.

Важно упомянуть и о том, что особое внимание международные регуляторы уделяют именно стейблкоинам (Ferreira, 2021), поскольку они несут угрозу мировой финансовой системе (Хисамова, 2020). Во-первых, в настоящее время на международном уровне ведется активная работа по разработке критериев для оценки качества стабилизационного механизма⁹. Во-вторых, если обратиться к положению об уровне рисков, присущих стейблкоинам, то можно заметить следующее: рекомендуется рассматривать возможность по увеличению уровня риска сверх рисков, связанных со стабилизационным механизмом (with further consideration for capital add-ons). В сочетании с глобальной природой стейблкоинов подобная озабоченность международного сообщества позволяет выдвинуть предположение о том,

⁵ FSB. (2020). Final Report and High-Level Recommendations on Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements. FSB, Basel. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P131020-3.pdf>

⁶ Frankenfield, J. (2023, April 20). Digital Currency Types, Characteristics, Pros & Cons, Future Uses. Investopedia. <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-currency.asp>

⁷ BCBS. (2021). Consultative Document: Prudential treatment of cryptoasset exposures. BCBS, Basel. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d519.pdf>; BCBS. (2022). Consultative Document: Second consultation on the prudential treatment of cryptoasset exposures. BCBS, Basel. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d533.pdf>

⁸ BCBS. (2021). Consultative Document: Prudential treatment of cryptoasset exposures. BCBS, Basel. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d519.pdf>

⁹ BCBS. (2022). Consultative Document: Second consultation on the prudential treatment of cryptoasset exposures. BCBS, Basel. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d533.pdf>

что в перспективе нескольких лет именно проблемами стейблкоинов будет обоснована необходимость в формировании нового – в каком-то смысле наднационального – регулятора, в зону ответственности которого и войдет снижение глобальных рисков финансовой стабильности (сначала исключительно в части стейблкоинов)¹⁰.

С другой стороны, как было отмечено в Коммюнике встречи министров финансов и управляющих центральными банками стран «Группы двадцати» от 9 июня 2019 г., ключевая озабоченность международного сообщества лежит не в плоскости обеспечения финансовой стабильности, а в вопросах надлежащего противодействия отмыванию денег¹¹.

Необходимо констатировать, что понятийный аппарат, сформированный Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF, далее – ФАТФ) для этих целей, имеет принципиально иной характер.

ФАТФ выделяет понятие «виртуальный актив» (virtual asset, VA) и производное от него понятие «лицо, оказывающее [отдельные] услуги в области виртуальных активов» (virtual asset service provider, VASP) (Schmidt, 2021). Так, виртуальный актив является отображением ценности в цифровом виде, которое может использоваться как в платежных, так и в инвестиционных целях. Согласно правовой позиции ФАТФ, виртуальные активы не включают в себя цифровое отражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, которые были урегулированы в рамках Рекомендаций ФАТФ ранее. По смыслу Рекомендаций ФАТФ виртуальные активы являются собственностью (property), доходами (proceeds), денежными средствами (funds), денежными средствами или иными активами (funds or other assets), корреспондирующей ценностью (corresponding value)¹².

Вероятно, читателей может в некотором смысле ввести в заблуждение поразительное сходство понятия «виртуальный актив», сформулированного ФАТФ, и понятия «цифровой актив», сформулированного Банком международных расчетов. Смысл и коннотация данных понятий, по мнению авторов, различаются: несмотря на то, что криптовалюты (относятся к цифровым валютам) включаются в понятие «виртуальный актив», ФАТФ прямо указывает на то, что не все цифровые валюты (имеются в виду цифровые валюты центральных банков) подпадают под действие международных стандартов в области виртуальных активов¹³. Таким образом, слово «цифровой», по оценке авторов, в понимании ФАТФ несет в себе коннотацию «более надежный», «регулируемый», «контролируемый государством», а в отношении собственно активов (не «валют») – «эмитируемый крупным бизнесом традиционного толка». При целостном рассмотрении финансово-технологического ландшафта данное различие, как представляется, должно быть учтено.

¹⁰ Ярутин, Я. К. (2023, март 13). Влияние криptoактивов на правительства стран и мировое сообщество: прогноз на период до 2035 года. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/iaroslav-iarutin/the-impact-of-cryptoassets-on-governments-and-the-international-commun/?ysclid=ll689ieit3661964369>

¹¹ G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting Communiqué (2019, June 9). G20, Fukuoka. https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/osaka19/pdf/documents/en/communique.pdf

¹² FATF. (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. FATF, Paris. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html>

¹³ Там же.

С практической точки зрения именно на «лицо, оказывающее [отдельные] услуги в области виртуальных активов», ложатся практические требования в части противодействия отмыванию денег, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ); лица, зарегистрированные в качестве VASP либо признанные таковыми, стоят в одном ряду с иными «обязанными лицами» (например, банками, биржами, фондами). VASP в соответствии с определением, данным ФАТФ, – это физическое либо юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, которая имеет признаки как минимум одного из следующих видов деятельности:

- обмен виртуальных активов на денежные средства в безналичной форме;
- обмен виртуальных активов на другие виртуальные активы;
- перевод виртуальных активов с одного адреса либо аккаунта на другой;
- хранение и/или администрирование виртуальных активов или инструментов, позволяющих контролировать виртуальные активы;
- оказание финансовых услуг, связанных с размещением виртуальных активов эмитента и/или продажей таких активов, либо участие в оказании таких услуг.

Так как ФАТФ подчеркивает, что якорное понятие «виртуальный актив», характерное для международно-правового механизма ПОД/ФТ/ФРОМУ, «не включает в себя цифровое отображение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, которые были урегулированы Рекомендациями ФАТФ ранее»¹⁴, то для целей ПОД/ФТ/ФРОМУ понятие «криptoактивы» предстает раздробленным: к виртуальным активам, т. е. к криптовалютам, отдельным невзаимозаменяемым токенам (non-fungible token, NFT), токенам, выпущенным на первичном размещении монет (initial coin offering, ICO), и к иным категориям криptoактивов, а именно токенизованным формам традиционных активов и большей части NFT¹⁵, применяются различные правила. Причем такое деление может применяться исключительно для правовых норм в области ПОД/ФТ/ФРОМУ; никакой смысловой общности так называемые виртуальные активы не имеют, так как цели их использования, частота сделок и структура рынка имеют принципиальные различия. С точки зрения пользователей, как правило, криптовалюты применяются в платежных целях, токены, выпущенные на ICO, – в инвестиционных (Blemus & Guégan, 2020), а NFT, которые могут быть признаны виртуальным активом лишь в отдельных случаях, – в гедонистических и, возможно, инвестиционных.

Выделение понятия «виртуальный актив» из общего ландшафта криptoактивов, тем не менее, обладает широким практическим значением. Так, в соответствии с международно-правовыми рекомендациями необходимо проведение превентивных мер по операциям, связанным с виртуальными активами, при минимальном пороговом значении в 1000 долл. США (Salami, 2021; Кинсбурская, 2020) (с учетом

¹⁴ FATF. (2021). *Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*. FATF, Paris. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html>

¹⁵ Важно, однако, отметить, что подобное деление актуально только для международно-правового механизма ПОД/ФТ/ФРОМУ. На практике же, в том числе в контексте регулирования финансовых рынков, чаще выделяется категория “utility token”. При этом, по мнению ряда ученых, на уровне права ЕС (в частности, положениями MiCa) налицоует тенденция к расширительному толкованию данной категории, что, возможно, предвещает разработку более детального разграничения и классификации NFT (Tomczak, 2022).

«мягко-правовой» природы допускается установление меньшего порога на национальном уровне)¹⁶. Наряду с этим ФАТФ подчеркивает, что в отношении ранее урегулированных Рекомендациями видов имущества (токенизованных форм традиционных активов) правовой режим в части ПОД/ФТ/ФРОМУ может оставаться неизменным (минимальное пороговое значение составляет 15 000 долл. США)¹⁷. Иными словами, величину риска отмывания денег, присущего токенизованным формам традиционных активов, регулятор оценивает на том же уровне, что и традиционного (базового) актива, – в отличие от Банка международных расчетов, который установил иной подход.

Таким образом, необходимо констатировать, что налицоует «фрагментация» международного права. Представляется, что это недопустимо: именно следствием подобной «фрагментации» является недопонимание, которое испытывают национальные регуляторы, участники рынка и законодатели.

2. Отражение норм международного права в правовой системе Российской Федерации

2.1. Вопросы понятийно-терминологической корреляции в международных актах и законодательстве Российской Федерации

Общеизвестно, что в нынешней редакции российского законодательства регламентирован оборот «цифровых финансовых активов» и «цифровых валют». Представляется, что понятие «цифровой финансовый актив», определяемое как «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы»¹⁸.

Вероятно, законодатели и финансовый регулятор планировали, что данное понятие будет корреспондировать с понятием «цифровой актив» (digital asset), сформулированным в Совете по финансовой стабильности. На международно-правовом уровне цифровые активы являются цифровым отображением ценности в цифровом виде (digital representation of value), которое может использоваться как в платежных, так

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ FATF. (2012–2022). *International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation*. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf>

¹⁸ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020 (в ред. от 11.01.2023). Собрание законодательства Российской Федерации, 31, ст. 5018.

и в инвестиционных целях¹⁹; цифровые активы, согласно позиции Совета по финансовой стабильности, включают в себя криptoактивы. Либо, может быть, планировалось, что российские цифровые финансовые активы будут криptoактивами? По замыслу российского законодателя, цифровые финансовые активы будут выпускаться крупными российскими и международными компаниями, а процесс выпуска и распространения таких активов будет всецело соответствовать высоким требованиям Банка России. Конечно, ссылка на «распределенный реестр» в российском определении отсылает нас к международно-правовому понятию «криptoактивы». Необходимо, однако, отметить, что российский закон – в отсутствие широкой практики выпуска цифровых финансовых активов – можно толковать двояко. С одной стороны, можно сделать предположение, что отсылка к «иным информационным системам» может указывать на возможности выпуска «централизованных» цифровых финансовых активов, которые криptoактивами, разумеется, не будут. С другой стороны, аналогичная структура нормы, т. е. ссылка не только на DLT, но и на иные технологии, присутствует в международно-правовом определении «криptoактивов».

Если руководствоваться тем, что российский законодатель использовал подходы, изложенные Советом по финансовой стабильности, то все цифровые финансовые активы являются криptoактивами. Однако в любом случае понятием «цифровые финансовые активы» не охватываются криптовалюты, стейблкоины, NFT, токены, выпущенные на ICO. Таким образом, российское понятие «цифровые финансовые активы» не обладает полным соответствием понятию «криptoактивы», а включает в себя исключительно регулируемую, подконтрольную государству и крупному бизнесу часть таких активов.

Подобное несоответствие органично дополняется тем, что российское понимание «распределенного реестра», по мнению ученых, несколько отличается от принятого в рамках международных стандартов, а именно международного стандарта ISO 22739:2020²⁰ (Вергелес, 2022).

Если возвратиться к рассмотрению дефиниций, то использование прилагательного «цифровой» применительно к понятию «цифровая валюта», которое содержится в том же законе, вызывает еще большие вопросы. Согласно российскому определению, цифровой валютой признается «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам»²¹. Иными словами, под цифровой валютой в России подразумевается исключитель-

¹⁹ FSB. (2020). *Final Report and High-Level Recommendations on Regulation, Supervision and Oversight of "Global Stablecoin" Arrangements*. FSB, Basel. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P131020-3.pdf>

²⁰ *Blockchain and distributed ledger technologies – Vocabulary*. <https://www.iso.org/standard/73771.html>

²¹ Там же.

но негосударственная «валюта», более того, такая «валюта» не разрабатывается и крупным бизнесом (требования Центрального банка Российской Федерации при ее разработке не соблюдаются).

В данном случае прилагательное «цифровой» употреблено некорректно по двум причинам. Во-первых, не учтено наличие международно-правовой категории «цифровая валюта центрального банка», которая, будучи цифровой, является законным средством платежа (например, разрабатываемый в настоящее время цифровой рубль). При этом, согласно позиции Базельского комитета по банковскому надзору²², цифровая валюта центрального банка, в отличие от цифровых валют в понимании российского законодателя, является прямым обязательством центрального банка; именно центральный банк в данном случае и является надлежащим «обязанным лицом». Во-вторых, в международных деловых кругах понятие «цифровая валюта» (digital currency) используется как собирательное для виртуальных валют, криптовалют и CBDC²³.

На самом деле, как уже указывалось выше, на международном уровне существует понятие «виртуальная валюта» (virtual currency) (Brown-Hruska & Wagener, 2018), которое в полной мере соответствует тому смыслу, который закладывается российским законодателем в понятие «цифровая валюта». Так, по типологии ФАТФ, виртуальная валюта – это отражение ценности в цифровом виде (digital representation of value); ей можно торговать в цифровом режиме (that can be digitally traded). Виртуальная валюта, по мнению ФАТФ, обладает функциями денег (как средство обмена, накопления и платежа), однако не является законным платежным средством ни в одной юрисдикции²⁴.

Несмотря на то, что сегодня в ФАТФ используется собирательный термин «виртуальный актив» (в настоящее время международный регулятор отошел от использования понятия «виртуальная валюта» (Кинсбурская, 2019; Рождественская, 2022; Рождественская, Гузнов, 2020), представляется, что коннотация слова «цифровой», с которой данный термин употребляется в российском законе, не в полной мере соответствует нормам международного права, так как фактически в законе речь идет о криptoактивах и виртуальных валютах, а не цифровых валютах в общем. Как представляется, данное несоответствие вводит в заблуждение международные деловые круги, заинтересованные в российском рынке, и умаляет неформальный престиж нашего государства.

Важно отметить, что понятие «стейблкоин», на которое, как указывалось выше, международные регуляторы направляют свое пристальное внимание, в настоящий момент фактически не отражено в российском законе. Несмотря на то, что в практической среде существует мнение о том, что у стейблкоина наличествует «обязанное лицо», усилиями которого и обеспечивается функционирование стабилизационного механизма, данная позиция, по мнению авторов, несостоятельна. Согласно позиции Базельского комитета по банковскому надзору, цифровые валюты центральных

²² BIS. (2020). Central bank digital currencies: foundational principles and core features. BIS, Basel. <https://www.bis.org/publ/othp33.pdf>

²³ Frankenfield, J. (2023, April 20). Digital Currency Types, Characteristics, Pros & Cons, Future Uses. <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-currency.asp>

²⁴ FATF. (2014). FATF Report on Virtual Currencies Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. FATF, Paris. <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>

банков были названы прямым обязательством центрального банка. В отсутствие подобных разъяснений в отношении иных типов цифровых валют допустимо заключение о том, что исключительно государство (территория) может эмитировать обеспеченные правовыми гарантиями цифровые деньги, т. е. быть надлежащим обязанным лицом. Таким образом, стейблкоины включаются в понятие «цифровая валюта», которое было сформировано российским законом. Наряду с этим необходимо констатировать, что с учетом особенного внимания международных регуляторов к проблеме стейблкоинов данное понятие должно быть отражено на уровне национального права, в том числе с перспективой развития макропруденциальных установок по мере неизбежного развития норм международного права в данной сфере.

Итак, понятийный аппарат, сформулированный в нынешней редакции российского законодательства, не в полной мере отвечает международно-правовым рекомендациям; представляется, что недостаточное внимание законодателей к международно-правовым проблемам в существенной степени усложняет правовой режим криptoактивов, делает российское регулирование не до конца понятным международным деловым кругам. Все это умаляет конкурентные преимущества Российской юрисдикции для криптобизнеса и заинтересованных финансовых структур.

2.2. Правовое регулирование оборота криptoактивов в Российской Федерации

Если обратиться к сути международно-правовой позиции Российской Федерации, то необходимо указать на правомерный характер операций с криptoактивами, но с некоторыми ограничениями – как прямо закрепленными на уровне права, так и существующими исключительно на уровне практики.

Если же обратиться к пруденциальной составляющей, то Центральным банком Российской Федерации пока не сформирована позиция относительно уровня рисков, присущих цифровым финансовым активам²⁵. Очевидно, однако, что оборот цифровых финансовых активов будет всецело пребывать в рамках российского правового поля, хотя и с некоторыми ограничениями. Так, сегодня сделки с некоторыми цифровыми финансовыми активами доступны исключительно для квалифицированных инвесторов²⁶. Наряду с этим в отношении цифровых валют (в понимании российского законодателя) позиция финансового регулятора обладает принципиальными отличиями. Например, согласно информационному письму Центрального банка Российской Федерации «Об отдельных видах финансовых инструментов» от 19 июля 2021 г. № ИН-06-59/52, организаторам торговли было рекомендовано отказывать в допуске к организованным торарам ценных бумаг российских и иностранных эмитентов, права владельцев на получение выплат по которым и (или) размер выплат по которым (размер дохода) либо доходность которых зависят от курсов цифровых валют²⁷.

²⁵ ЦБ призвал регламентировать оценку рисков при вложении банков в цифровые финансовые активы. (2022, 27 декабря). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/business/878897>

²⁶ Указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У (зарегистрировано в Минюсте России 21.12.2020 № 61622).

²⁷ Информационное письмо Центрального банка Российской Федерации от 19 июля 2021 г. № ИН-06-59/52. https://cbk.ru/StaticHtml/File/117596/20210719_in_06_59-52.pdf

С точки зрения противодействия отмыванию преступных доходов необходимо также отметить разграничение правового регулирования в отношении цифровых финансовых активов и цифровых валют. Согласно ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», операции с цифровыми финансовыми активами подвергаются обязательному контролю в случае, когда их объем превышает 1 млн рублей²⁸. Представляется, что данная мера соответствует международно-правовым рекомендациям о том, что правовой режим в отношении традиционных активов в токенизированной форме (например, ценных бумаг) не носит специального характера²⁹. С другой стороны, все операции с цифровой валютой (в понимании российского законодателя), по мнению Банка России, носят априори подозрительный характер, что прямо отражено в Классификаторе признаков, указывающих на необычный характер операции или сделки, который является приложением к Положению Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³⁰. Более того, необходимо отметить, что на уровне адвокатской практики ощущается, что частота «заморозок» и блокировок банковских счетов при осуществлении операций с цифровыми валютами (даже шире – со всеми виртуальными активами) на основании Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³¹ резко возросла примерно с конца весны 2022 г.³² Иными словами, государство старается всячески ограничить оборот цифровых валют, причем делается это без внесения соответствующих изменений на уровне закона³³.

Дополнительно необходимо отметить, что сегодня существует ряд ограничений в отношении оборота цифровой валюты (в российском понимании этого термина). Так, согласно ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

---

²⁸ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. № 115-ФЗ от 07.08.2001 (в ред. от 09.01.2023). Собрание законодательства РФ, 33 (ч. 1), ст. 3418.

²⁹ FATF. (2012–2022). *International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation*. FATF. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf>

³⁰ Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П. (2012, 18 апреля). Вестник Банка России, 20.

³¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. № 115-ФЗ от 07.08.2001. Собрание законодательства Российской Федерации, 33 (ч. I), ст. 3418.

³² Ярутин, Я. К. (2022, 20 октября). Цифровая валюта и будущее мировой политики. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/tsifrovaya-valyuta-i-budushchee-mirovoy-politiki/>

³³ Там же.

законодательные акты Российской Федерации»³⁴, для российских организаций и физических лиц – резидентов установлен запрет на принятие цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (или им) товары и услуги. Несмотря на то, что данный тезис применительно к цифровой валюте был сформулирован впервые на уровне закона, анализ судебной практики показывает, что суды и ранее относились негативно к использованию цифровых валют в договорных обязательствах (Середа, 2017). Кроме того, в соответствии с этой же статьей судебная защита для указанных выше субъектов предусматривается лишь в случае информирования Федеральной налоговой службы (далее – ФНС России) о наличии цифровой валюты и совершении сделок с ней. Вместе с тем необходимо констатировать, что на практике данный вопрос упирается в отсутствие разъяснений ФНС России по данному вопросу, в том числе в отсутствие формы для такой отчетности. В связи с этим представляется, что в настоящее время реально детализированы лишь общие обязательства по информированию налогового органа (например, в рамках формы З-НДФЛ).

Помимо этого, важно указать и на некоторое разделение, связанное с противодействием неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком (далее – ПНИИИ/МР). По смыслу Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком...»³⁵ применение к организациям, вовлеченным в оборот цифровых валют (в понимании, установленном действующим российским законом), положений российского закона в части ПНИИИ/МР видится в высшей степени маловероятным; при этом думается, что аналогичные положения будут применяться в отношении оборота цифровых финансовых активов, хотя это не предусмотрено прямо законом (следует из регулируемого характера вовлеченных организаций). Представляется, что необходимость в урегулировании принципиально новых видов имущества в этом ключе обострит многочисленные проблемы, которые характерны для действующего механизма ПНИИИ/МР, в том числе в его уголовно-правовой составляющей (Лифшиц, Яни, 2020; Арестова, Борбат, 2022; Ручкина, 2019; 2022). С другой стороны, применимость соответствующих норм к рассматриваемым правоотношениям не вызывает сомнения и с точки зрения зарубежного (американского) права (Verstein, 2019), что, как представляется, служит дополнительным аргументом в пользу недопустимости указанного выше разделения, сделанного на уровне российского законодательства и с учетом присущей ему логики.

Таким образом, российское законодательство – в первую очередь в части понятийного аппарата – не в полной мере соответствует нормам международного права. Выстроенная система правового регулирования обладает рядом недоработок и неточностей. Представляется, что подобная ситуация с учетом архитектуры рассматриваемых международно-правовых норм умаляет авторитет нашей страны и ее неформальный престиж; самобытное понимание норм международного финансового

³⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020. Собрание законодательства Российской Федерации, 31 (ч. I), ст. 501.

³⁵ О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 224-ФЗ от 27.07.2010 (в ред. от 07 октября 2022 г.). Собрание законодательства Российской Федерации, 31, ст. 4193.

права, закрепленное в российском законе, непонятно международным деловым кругам. Несмотря на природу рассмотренных норм международного права (в основном содержащихся в актах «мягкого» права), т. е. несмотря на их рекомендательную природу, Российская Федерация крайне заинтересована в их внедрении. Во-первых, международное сообщество предлагает некие общие стандарты, внедрение которых позволяет государству находиться в едином правовом пространстве с наиболее технологически развитыми государствами (речь идет о довольно узкой сфере криптоактивов), что, вне всяких сомнений, содействует повышению инвестиционной привлекательности государства, поднимает неформальный престиж его руководителей. В то же время в отсутствие внедрения правовых подходов, сформулированных положениями «мягкого» права, существует вероятность того, что в отношении игнорирующего их государства будут применены методы воздействия, известные как “naming and shaming” (Фогельсон, 2013а; 2013б). Во-вторых, если принять во внимание высокий уровень экспертизы международных регуляторов, необходимо констатировать пользу формируемых международно-правовых подходов с точки зрения нивелирования структурных проблем, имеющих глобальный характер, на уровне российского права.

3. Предложения по совершенствованию российского законодательства

Во-первых, представляется важным привести понятийный аппарат, сформированный на уровне российского закона, в соответствие международным стандартам. На смену понятия «цифровой финансовый актив» должно прийти международно-правовое понятие «криптоактив». Предлагается разделить криптоактивы на «традиционный актив в токенизированной форме» (с одной стороны, данное понятие употребляется на уровне Банка международных расчетов, а с другой – это аналог нынешних «цифровых финансовых активов») и «необеспеченный (виртуальный) криптоактив» (с одной стороны, это аналог термина *unbacked cryptoasset* как антонима *asset-backed cryptoasset*, с другой – наличие прилагательного «виртуальный» отсылает нас к понятию «виртуальный актив», которое было сформулировано ФАТФ).

Представляется важным дополнительно, возможно отдельным законом, детализировать и понятие «цифровая валюта», которое, как указывалось выше, широко используется участниками рынка и международными регуляторами, однако с иным значением. Смысл понятия «цифровая валюта» должен быть изменен в корне. Есть два варианта в части изложения подобных нововведений.

Первый: отдельным законом цифровая валюта может быть разделена на «обеспеченную цифровую валюту», т. е. такую цифровую валюту, у которой существует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных (центральный банк), и «необеспеченную цифровую валюту» («цифровая валюта» в нынешней редакции закона). Такой вариант видится логичным, однако представляется несколько утопичным с точки зрения государства, так как девальвирует коннотацию слова «валюта» как связанной с государством субстанции (получается тогда, что криптовалюта – тоже валюта, хоть и иного свойства).

Второй: понятие «цифровая валюта» будет упразднено, а на его место придет «цифровая валюта центрального банка», которая будет делиться по функциональному назначению (розничная цифровая валюта центрального банка, цифровая валюта центрального банка для межбанковских расчетов и т. д.) и по государственной (территориальной) принадлежности «обязанного лица» (национальная цифровая

валюта центрального банка, т. е. цифровой рубль, и иностранная цифровая валюта центрального банка, например цифровой юань, цифровой евро). Данный подход представляется наиболее оправданным.

К какой категории в этом случае будут относиться «виртуальные валюты», в том числе криптовалюты? Здесь, как представляется, необходимо обратиться к международно-правовому подходу, сформулированному ФАТФ. Если рассматривать ситуацию в долгосрочной перспективе, то, руководствуясь целями в части эффективного правового регулирования, государство не сможет изолироваться от неприятной для него темы, а именно от внедрения на уровне закона понятия «виртуальный актив», которое используется в рамках ФАТФ. К виртуальным активам будут отнесены упомянутые выше виртуальные криптоактивы, негосударственные «валюты», в том числе криптовалюты, стейблкоины и отдельные невзаимозаменяемые токены, которые признаются виртуальными активами по логике ФАТФ. Неизбежным, если принять во внимание нынешнюю озабоченность международного сообщества данной проблематикой, представляется и выделение в законе понятия «стейблкоин». Если руководствоваться предлагаемой логикой, это будет «необеспеченный (виртуальный) криптоактив со стабилизационным механизмом».

Представляется особенно важным произвести разграничение указанных видов имущества с той точки зрения, что построение эффективного регулирования не может осуществляться в отрыве от практики их использования (Середа, 2019); причем внимание к практическим вопросам видится не менее важным, чем следование международно-правовым рекомендациям.

Во-вторых, необходимо разработать новые подходы к макропруденциальному регулированию. Представляется, что с учетом регулируемой и абсолютно прозрачной архитектуры цифровых финансовых активов (в соответствии с предлагаемыми изменениями – традиционных активов в токенизированной форме) допустимо установление уровня риска, характерного для традиционного (базового) актива (с правом регулятора в части повышения уровня риска). Неизбежным видится и изменение нынешней запретительной риторики в отношении «виртуальных активов». По мнению авторов, с учетом публично-правовой природы вопросов финансовой стабильности подобное развитие возможно исключительно вслед за появлением соответствующего подхода на уровне международных регуляторов и при безусловном согласии с ними российской стороны.

Наряду с этим при конструировании национального регулирования важно понимать, что на уровне международного права видится крайне вероятным такой сценарий, в соответствии с которым в течение ближайших лет будет изменено отношение к стейблкоинам. С учетом глобальной природы стейблкоинов было бы логичным обеспечение единого – наднационального – надзора за их функционированием, в том числе, возможно, в форме установления единых критериев для надзора на национальном уровне. Возможно, в перспективе будет образован новый международный орган для целей осуществления пруденциального надзора³⁶. По мнению ученых,

³⁶ Ярутин, Я. К. (2023, март 13). Влияние криптоактивов на правительства стран и мировое сообщество: прогноз на период до 2035 года. <https://russiancouncil.ru/en/blogs/iaroslav-iarutin/the-impact-of-cryptoassets-on-governments-and-the-international-commun/?ysclid=ll689ieit3661964369>

стейблкоин в перспективе может идентифицироваться как денежные средства (для целей учета и отчетности) (Тетюшин, 2022), однако уровень риска такого криптоактива, как следует из рассмотренных выше позиций международных регуляторов, уже сегодня (на уровне теории) зависит от качества стабилизационного механизма. Международно-правовые рекомендации в части оценки стабилизационного механизма, несомненно, будут и далее детализироваться.

С точки зрения нашей страны отсутствие на уровне права понятия «стейблкоин» может лишить финансовую систему Российской Федерации, и без того ослабленную международными санкциями, конкурентного преимущества в виде гипотетической возможности использования надежных (поднадзорных) стейблкоинов, не обладающих столь высоким уровнем санкционного бремени.

В-третьих, из отсутствия в российском правовом поле понятия «виртуальный актив» органично вытекает и отсутствие понятия «лицо, осуществляющее [отдельные] операции с виртуальными активами». С точки зрения всей международной архитектуры ПОД/ФТ/ФРОМУ это понятие является осевым, потому что международное сообщество возлагает основную часть обязательств в данной области именно на «обязанных лиц» (например, банки, страховые компании); для виртуальных активов, т. е. частично и для криптоактивов, таким лицом выступает VASP. Таким образом, подобное обстоятельство негативно сказывается на эффективности национальной системы ПОД/ФТ/ФРОМУ.

В-четвертых, несмотря на многочисленные проблемы, связанные с российской практикой применения Закона о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, представляется важным включить в перечень инсайдеров также «лиц, осуществляющих [отдельные] операции с виртуальными активами». Возможно, к инсайдерам можно будет относить не всех VASP, а лишь соответствующих определенным критериям, например, годовой оборот которых превышает определенную регулятором величину. Данное изменение видится важным в свете того, что с финансово-экономической точки зрения рынок криптоактивов ничем не отличается от традиционных финансовых рынков; на нем также возможны злоупотребления и недобросовестное поведение, экономический ущерб может быть значительным.

В-пятых, с учетом всех изложенных выше предложений особенно важным представляется внимание государства к изменениям на уровне международного права и позиций международных регуляторов, в том числе к экспертной аналитике подобных вопросов. Область криптоактивов слишком масштабна, и ее игнорирование со стороны государства может привести к многочисленным последствиям, в том числе в таких чувствительных областях, как противодействие отмыванию доходов, финансированию терроризма, обеспечение финансовой стабильности.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что международно-правовая позиция Российской Федерации в отношении криптоактивов носит сдержанно либеральный характер. На уровне федерального законодательства были введены понятия «цифровой финансовый актив» и «цифровая валюта»; оборот этих категорий носит правомерный характер, хотя и наличествуют некоторые ограничения. Представляется, что понятийный аппарат, сформулированный российским законодательством,

не в полной мере соответствует международным стандартам, что является существенным недостатком национальной правовой системы (и, вероятно, финансовой системы), умаляет деловую привлекательность нашей страны. Как представляется, самобытный российский подход попросту непонятен международным деловым кругом. В остальном, т. е. в вопросах пруденциального регулирования, противодействия отмыванию денег и гражданско-правовых особенностей, российское законодательство всецело соответствует духу и букве международно-правовых рекомендаций.

На основании изложенного можно предположить, что дальнейшее развитие российского права будет носить последовательный характер. Несомненно, рано или поздно, но понятийный аппарат будет изменен в соответствии с международно-правовыми рекомендациями. Если говорить о смысловом векторе российского регулирования, то государство оправданно делает повышенную ставку на цифровые финансовые активы, которые будут выпускаться крупным бизнесом при соблюдении высоких требований, выдвигаемых финансовым регулятором. Оборот цифровых валют (в российском понимании) на практике будет и далее ограничиваться, но в отсутствие явно запретительной риторики на уровне закона ³⁷. Рынок так называемых цифровых валют будет замещаться цифровой валютой центрального банка, т. е. разрабатываемым в настоящее время цифровым рублем.

С высокой долей вероятности наиболее технологически развитые страны пойдут по пути более глубокой интеграции криptoактивов в правовую действительность, приведения новых финансовых рынков в соответствие с международными стандартами. Соответственно, с концептуальной точки зрения при формировании правового режима на уровне национального права необходимо исходить именно из такой оценки.

Наряду с этим в свете практической необходимости в актуализации национального права необходимым видится понимание не только международно-правовой действительности, но и внимание к футурологии, т. е. к тенденциям и прогнозам в части вектора развития международного права. Именно к требованиям будущего должна быть максимально адаптирована национальная правовая система, если мы действительно хотим находиться в авангарде глобального развития.

Список литературы

- Арестова, Е. Н., Борбат, А. В. (2022). Проблемы возбуждения уголовных дел о манипуляции рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(3), 384–391. <https://elibrary.ru/moixbc>
- Вергелес, Э. Р. (2022). Криptoактивы: место в современном законодательстве. *Академическая мысль*, 1(18), 35–37. <https://elibrary.ru/ldxclf>
- Кинсбурская, В. А. (2019). Идентификация держателей криптовалюты в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. *Национальная безопасность / Nota Bene*, 3, 1–13. EDN: <https://elibrary.ru/byjwhb>. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2019.3.29720>
- Кинсбурская, В. А. (2020). Требования ФАТФ по регулированию криптовалют: проблемы имплементации в национальное законодательство. *Национальная безопасность / Nota Bene*, 4, 1–18. EDN: <https://elibrary.ru/crgkhs>. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.4.33856>
- Кудряшов, В. В. (2013а). Мягкое право как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права. *Финансовое право*, 4, 8–12. <https://elibrary.ru/qafzdz>

³⁷ Ярутин, Я. К. (2022, 20 октября). Цифровая валюта и будущее мировой политики. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/tsifrovaya-valyuta-i-budushchee-mirovoy-politiki/>

- Кудряшов, В. В. (2013b). Мягкое право как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права (продолжение). *Финансовое право*, 5, 17–21. <https://elibrary.ru/qavehl>
- Кудряшов, В. В. (2013c). «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права. *Московский журнал международного права*, 2(90), 70–89. EDN: <https://elibrary.ru/qzhcsb>. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-70-89>
- Кудряшов, В. В. (2014). Международные финансовые стандарты как концепция регулирования международных финансовых отношений. *Право и экономика*, 1(311), 64–71. <https://elibrary.ru/rvezrf>
- Лифшиц, И. М., Яни, П. С. (2020). Уголовная ответственность за манипулирование рынком по праву России и Европейского союза. *Всероссийский криминологический журнал*, 14(5), 764–776. EDN: <https://elibrary.ru/jdgqlc>. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).764-776](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).764-776)
- Мажорина, М. В. (2018). Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1, 193–217. EDN: <https://elibrary.ru/yvvqnc>. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.193.217>
- Помулев, А. А. (2021). Цифровая валюта – инструмент противодействия теневой экономической деятельности? *Теневая экономика*, 5(4), 267–274. EDN: <https://elibrary.ru/yhdxr>. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.5.4.113746>
- Рождественская, Т. Э. (2022). Риски легализации криптовалют для публичного правопорядка. В сб. *Россия: тенденции и перспективы развития* (т. 17–2, с. 150–155). <https://elibrary.ru/qaqxth>
- Рождественская, Т. Э., Гузнов, А. Г. (2020). Реализация подходов ФАТФ к регулированию виртуальных активов в законодательстве Российской Федерации: перспективы развития. *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина*, 9, 138–146. EDN: <https://elibrary.ru/kjrwe>. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.138-147>
- Ручкина, Г. Ф. (2019). Противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком: опыт Банка России. *Банковское право*, 1, 9–22. <https://elibrary.ru/yvaxln>
- Ручкина, Г. Ф. (2022). Противоправные практики на рынке ценных бумаг: к вопросу совершенствования правового регулирования. *Банковское право*, 1, С. 22–29. <https://elibrary.ru/lgeios>
- Середа, А. В. (2017). Осуществление расчетов при помощи виртуальных валют в РФ: анализ первого правоприменительного опыта. *Современный юрист*, 2, 57–64. <https://elibrary.ru/yurqr>
- Середа, А. В. (2019). К вопросу о правовом регулировании блокчейн-технологий: анализ зарубежного опыта. *Проблемы экономики и юридической практики*, 15(5), 140–143. <https://elibrary.ru/jycpb>
- Тетюшин, А. В. (2022). Классификация цифровых финансовых активов и их идентификация в финансовой отчетности. *Аудиторские ведомости*, 1, 24–29. <https://elibrary.ru/wpzlco>
- Фогельсон, Ю. Б. (2013a). Мягкое право в современном правовом дискурсе. *Журнал российского права*, 5, 37–48. <https://elibrary.ru/pysarz>
- Фогельсон, Ю. Б. (2013b). Мягкое право в современном правовом дискурсе (окончание). *Журнал российского права*, 9, 43–50. <https://elibrary.ru/qztjov>
- Хисамова, З. И. (2020). Концепция цифровых валют центральных банков: основные риски в части соблюдения требований AML («противодействия отмыванию денег») и KYC («знай своего клиента»). *Актуальные проблемы экономики и права*, 14(3), 508–515. EDN: <https://elibrary.ru/eilmjw>. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.508-515>
- Bleimus, S., & Guégan, D. (2020). Initial crypto-asset offerings (ICOs), tokenization and corporate governance. *Capital Markets Law Journal*, 15(2), 191–223. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmaa005>
- Borlini, L. (2020). On Financial Nationalism and International Law: Sovereignty, Cooperation and Hard/Soft Governance in International Finance. *European Journal of International Law*, 31(3), 1133–1155. <https://doi.org/10.1093/ejil/chaa065>
- Brown-Hruska, S., & Wagener, T. (2018). The virtual currency regulatory framework in global context. *Capital Markets Law Journal*, 13(4), 487–517. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmy028>
- Brummer, C. (2010). Why Soft Law Dominates International Finance – and not Trade. *Journal of International Economic Law*, 13(3), 623–643. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq026>
- Droll, T., & Minto, A. (2022). Hare or Hedgehog? The Role of Law in Shaping Current Technological Trends in the Securities Post-trading System. *Accounting, Economics, and Law: A Convivium*, 1–46. <https://doi.org/10.1515/ael-2022-0029>
- Ferreira, A. (2021). The Curious Case of Stablecoins – Balancing Risks and Rewards? *Journal of International Economic Law*, 24(4), 755–778. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab036>

- Geva, B. (2019). Cryptocurrencies and the Evolution of Banking, Money and Payments. In Ch. Brummer (Ed.). *Crypto-assets Legal, Regulatory and Monetary Perspectives* (pp. 11–38). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190077310.003.0002>
- Keister, T., & Sanches, D. (2023). Should Central Banks Issue Digital Currency? *The Review of Economic Studies*, 90(1), 404–431. <https://doi.org/10.1093/restud/rdac017>
- Nabilou, H. (2019). How to regulate bitcoin? Decentralized regulation for a decentralized cryptocurrency. *International Journal of Law and Information Technology*, 27(3), 266–291. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaz008>
- Ní Aoláin, F. (2021). 'Soft Law', Informal Lawmaking and 'New Institutions' in the Global Counter-Terrorism Architecture. *European Journal of International Law*, 32, 919–942. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab071>
- Salami, I. (2021). Challenges and Approaches to Regulating Decentralized Finance. *AJIL Unbound*, 115, 425–429. <https://doi.org/10.1017/aju.2021.66>
- Schmidt, A. (2021). Virtual assets: compelling a new anti-money laundering and counter-terrorism financing regulatory model. *International Journal of Law and Information Technology*, 29(4), 332–363. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaac001>
- Tomczak, T. (2022). Crypto-assets and crypto-assets' subcategories under MiCA Regulation. *Capital Markets Law Journal*, 17(3), 365–382. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac008>
- Tsang, C., & Chen, P. (2022). Policy responses to cross-border central bank digital currencies – assessing the transborder effects of digital yuan. *Capital Markets Law Journal*, 17(2), 237–261. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac004>
- Verstein, A. (2019). Crypto Assets and Insider Trading Law's Domain. *Iowa Law Review*, 105(1), 1–59.
- Zellweger-Gutknecht, C., Geva, B., & Grünewald, S. N. (2021). Digital Euro, Monetary Objects, and Price Stability: A Legal Analysis. *Journal of Financial Regulation*, 7(2), 284–318. <https://doi.org/10.1093/jfr/fjab009>

Сведения об авторах

Ярутин Ярослав Кириллович – аспирант кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

E-mail: iaroslaviarutin@icloud.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0036-6494>

Web of Science Researcher ID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/HJI-6696-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=w-imCpMAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1175345

Гуляева Елена Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

E-mail: gulya-eva@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2708-8332>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56906889200>

Web of Science Researcher ID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/ISB-2036-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=KQqjjYAAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=756727

Вклад авторов

Я. К. Ярутин осуществлял составление черновика рукописи; проведение сравнительного анализа; сбор, анализ и обобщение литературы; подготовку и редактирование текста статьи; интерпретацию общих результатов исследования; формулировку ключевых выводов, предложений и рекомендаций; оформление рукописи.

Е. Е. Гуляева осуществляла формулирование идеи, исследовательских целей и задач; разработку методологии; критический пересмотр и редактирование текста рукописи; интерпретацию частных результатов исследования; утверждение окончательного варианта статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Благодарность

Авторы выражают благодарность руководству Клуба международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации за организацию Международного межвузовского круглого стола, приуроченного к 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации на тему «Актуальные проблемы международного права», на котором в рамках дискуссии авторами были высказаны отдельные идеи, получившие свое развитие в настоящей статье.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.89.25 / Право собственности

Специальность ВАК: 5.1.5 / Международно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 20 января 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 6 мая 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 августа 2023 г.

Дата онлайн-размещения – 20 августа 2023 г.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.32>

International and Russian Legal Regulation of the Turnover of Crypto-assets: Conceptual-Terminological Correlation

Iaroslav K. Iarutin ✉

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Elena E. Gulyaeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Keywords

Cryptoasset,
cryptocurrency,
digital currency,
digital technologies,
international law,
law,
legislation,
stablecoin,
token,
virtual asset

Abstract

Objective: to assess the Russian legislation for its compliance with the international-legal approaches to shaping symmetrical regulation of crypto-assets and possibility to complement it with new international-legal categories reflecting the in-depth changes in the global economy and structure of international finance, determined by the broad introduction of new financial technologies based on distributed ledger technologies.

Methods: the methodological basis of the research is a set of general scientific methods of scientific cognition, among which of utmost importance are special-legal (formal-legal and comparative-legal) methods, complemented with risk-oriented approach, legal modeling and juridical forecasting. Applied integrally, they allowed comprehending the architecture, "letter and "spirit" of the modern international financial law and national legislation in their conceptual-terminological correlation and to forecast further development and adjustment of the legal regulation of crypto-assets turnover.

✉ Corresponding author

© Iarutin Ia. K., Gulyaeva E. E., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Results: it was found that there appears a stable trend in the crypto-assets turnover regulation, according to which “soft” law dominates among the law sources (this is especially notable in the sphere of international financial law compared, for example, with conventions or international treaties); at the same time, there is a strengthening trend of “fragmentation” of international law with regard to crypto-assets turnover; the authors mark inconsistency of the conceptual framework contained in international acts and in the Russian legislation, as well as the gaps in the regime of crypto-assets turnover at the level of national law; the trends and forecasts are presented referring to the development of international-legal regulation of the sphere of crypto-assets.

Scientific novelty: consists, first of all, in a complex comparison, based on, among other aspects, the fundamentally new concepts of regulation of such progressive international-legal categories as cryptoasset, virtual asset, cryptocurrency, stablecoin, etc., some of them rarely used in the Russian legal discourse and actually never applied in legislation.

Practical significance: the scientifically grounded proposals are formulated, aimed at improving the conceptual-terminological framework of the Russian legislation in the sphere of crypto-assets turnover, implementation of which will allow constructing a common legal space with the technologically most advanced states, will help to improve investment climate and financial attraction of the state; will improve the national-legal regime of crypto-assets turnover from the viewpoint of not only actual market demands, but also state security interests and improving competitiveness of the Russian legislation.

For citation

Iarutin, Ia. K., Gulyaeva, E. E. (2023). International and Russian Legal Regulation of the Turnover of Crypto-assets: Conceptual-Terminological Correlation. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 725–751. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.32>

References

- Arestova, E. N., & Borbat, A. V. (2022). Problems of initiating criminal cases on market manipulation and illegal use of insider information. *Russian Journal of Criminology*, 16(3), 384–391. (In Russ.).
- Bleimus, S., & Guégan, D. (2020). Initial crypto-asset offerings (ICOs), tokenization and corporate governance. *Capital Markets Law Journal*, 15(2), 191–223. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmaa005>
- Borlini, L. (2020). On Financial Nationalism and International Law: Sovereignty, Cooperation and Hard/Soft Governance in International Finance. *European Journal of International Law*, 31(3), 1133–1155. <https://doi.org/10.1093/ejil/chaa065>
- Brown-Hruska, S., & Wagener, T. (2018). The virtual currency regulatory framework in global context. *Capital Markets Law Journal*, 13(4), 487–517. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmy028>
- Brummer, C. (2010). Why Soft Law Dominates International Finance – and not Trade. *Journal of International Economic Law*, 13(3), 623–643. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgq026>
- Droll, T., & Minto, A. (2022). “Hare or Hedgehog? The Role of Law in Shaping Current Technological Trends in the Securities Post-trading System”. *Accounting, Economics, and Law: A Convivium*, 1–46. <https://doi.org/10.1515/ael-2022-0029>
- Ferreira, A. (2021). The Curious Case of Stablecoins – Balancing Risks and Rewards? *Journal of International Economic Law*, 24(4), 755–778. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab036>

- Fogelson, Yu. B. (2013a). Soft law in the modern legal discourse (final part). *Journal of Russian Law*, 9, 43–50. (In Russ.).
- Fogelson, Yu. B. (2013b). Soft law in the modern legal discourse. *Journal of Russian Law*, 5, 37–48. (In Russ.).
- Geva, B. (2019). *Cryptocurrencies and the Evolution of Banking, Money and Payments*. In: Chris Brummer (Ed.). *crypto-assets Legal, Regulatory and Monetary Perspectives*. pp. 11–38. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190077310.003.0002>
- Keister, T., & Sanches, D. (2023). Should Central Banks Issue Digital Currency? *The Review of Economic Studies*, 90(1), 404–431. <https://doi.org/10.1093/restud/rdac017>
- Khisamova, Z. I. (2020). Concept of central banks digital currencies: main risks in terms of observing the AML (“anti-money laundering”) and KYC (“know your client”) requirements. *Actual Problems of Economics and Law*, 14(3), 508–515. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.508-515>
- Kinsburskaya, V. A. (2019). Identification of cryptocurrency holders for combating illegal incomes laundering and terrorism funding. *Nota Bene*, 3, 1–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2019.3.29720>
- Kinsburskaya, V. A. (2020). Requirements of FATF for regulating cryptocurrencies: problems of implementation in the national legislation. *Nota Bene*, 4, 1–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.4.33856>
- Kudryashov, V. V. (2013a). Soft law as a method of regulating international financial relations in the foreign doctrine of international financial law. *Finansovoye pravo*, 4, 8–12. (In Russ.).
- Kudryashov, V. V. (2013b). Soft law as a method of regulating international financial relations in the foreign doctrine of international financial law (continuation). *Finansovoye pravo*, 5, 17–21. (In Russ.).
- Kudryashov, V. V. (2013c). Soft law as a method of regulating international financial relations in the foreign doctrine of international financial law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2(90), 70–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-70-89>
- Kudryashov, V. V. (2014). International financial standards as a concept of regulating international financial relations. *Pravo i ekonomika*, 1(311), 64–71. (In Russ.).
- Lifshits, I. M., & Yani, P. S. (2020). Criminal liability for market manipulation according to the law of Russia and European Union. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 14(5), 764–776. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(5\).764-776](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(5).764-776)
- Mazhorina, M. V. (2018). International private law under globalization: from de-stating to fragmentation. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 1, 193–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.193.217>
- Nabilou, H. (2019). How to regulate bitcoin? Decentralized regulation for a decentralized cryptocurrency. *International Journal of Law and Information Technology*, 27(3), 266–291. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaz008>
- Ní Aoláin, F. (2021). ‘Soft Law’, Informal Lawmaking and ‘New Institutions’ in the Global Counter-Terrorism Architecture. *European Journal of International Law*, 32, 919–942. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab071>
- Pomulev, A. A. (2021). Digital currency – an instrument for combating shadow economic activity? *Tenevaya ekonomika*, 5(4), 267–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/tek.5.4.113746>
- Rozhdestvenskaya, T. E. (2022). Risks of cryptocurrencies legalization for public law and order. In *Russia: trends and prospects of development*, 17-2, 150–155. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, T. E., & Guznov, A. G. (2020). Using FATF approaches to regulating virtual assets in the legislation of the Russian Federation: prospects of development. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina*, 9, 138–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.138-147>
- Ruchkina, G. F. (2019). Combating the illegal use of insider information and market manipulation: experience of the Bank of Russia. *Bankovskoe pravo*, 1, 9–22. (In Russ.).
- Ruchkina, G. F. (2022). Illegal practices in the securities market: on the issue of improving legal regulation. *Bankovskoye pravo*, 1, 22–29. (In Russ.).
- Salami, Iwa. (2021). Challenges and Approaches to Regulating Decentralized Finance. *AJIL Unbound*, 115, 425–429. <https://doi.org/10.1017/aju.2021.66>
- Schmidt, A. (2021). Virtual assets: compelling a new anti-money laundering and counter-terrorism financing regulatory model. *International Journal of Law and Information Technology*, 29(4), 332–363. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaac001>
- Sereda, A. V. (2017). Settlements with virtual currencies in the Russian Federation: analysis of the first law enforcement experience. *Sovremennyj yurist*, 2, 57–64. (In Russ.).
- Sereda, A. V. (2019). On the issue of legal regulation of blockchain technologies: analysis of foreign experience. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 15(5), 140–143. (In Russ.).
- Tetyushin, A. V. (2022). Classification of digital financial assets and their identification in financial reporting. *Auditorskiye vedomosti*, 1, 24–29. (In Russ.).

- Tomczak, T. (2022). Crypto-assets and crypto-assets' subcategories under MiCA Regulation. *Capital Markets Law Journal*, 17(3), 365–382. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac008>
- Tsang, C., & Chen, P. (2022). Policy responses to cross-border central bank digital currencies – assessing the transborder effects of digital yuan. *Capital Markets Law Journal*, 17(2), 237–261. <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmac004>
- Vergeles, E. R. (2022). Crypto-assets: position in modern legislation. *Akademicheskaya zhizn*, 1(18), 35–37. (In Russ.).
- Verstein, A. (2019). Crypto Assets and Insider Trading Law's Domain. *Iowa Law Review*, 105(1), 1–59.
- Zellweger-Gutknecht, C., Geva, B., & Grunewald, S. N. (2021). Digital Euro, Monetary Objects, and Price Stability: A Legal Analysis. *Journal of Financial Regulation*, 7(2), 284–318. <https://doi.org/10.1093/jfr/fjab009>

Authors information

Iaroslav K. Iarutin – post-graduate student, Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Address: 53/2 Ostozhenka Str., building 1, 119021 Moscow, Russian Federation

E-mail: iaroslaviarutin@icloud.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0036-6494>

Web of Science Researcher ID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/HJI-6696-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=w-imCpMAAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1175345

Elena E. Gulyaeva – Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Address: 53/2 Ostozhenka Str., building 1, 119021 Moscow, Russian Federation

E-mail: gulya-eva@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-2708-8332>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56906889200>

Web of Science ResearcherID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/ISB-2036-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=KQqjjYAAAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=756727

Authors' contributions

Iaroslav K. Iarutin compiled the manuscript draft; performed comparative analysis; collected, analyzed and summarized literature; prepared and edited the manuscript; interpreted the overall research results; formulated the key conclusions, proposals and recommendations; formatted the manuscript.

Elena E. Gulyaeva formulated the research idea, goals and tasks; elaborated the methodology; critically reviewed and edited the manuscript; interpreted the specific research results; approved the final version of the article.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Acknowledgement

The authors are grateful to the administrators of the International Law Club of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation for organizing the International inter-university roundtable, commemorating the 220th anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation, themed: "Topical issues of the international law", within which the authors expressed and discussed some of the ideas further developed in this article.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

ASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 20, 2022

Date of approval – May 6, 2022

Date of acceptance – March 6, 2023

Date of online placement – March 10, 2023